

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРОВСКОГО

Удельные княжества традиционно рассматривались в отечественной исторической науке как своеобразные «рудименты», носители архаичных пережитков старого времени. Удельные князья, «крамольники по своей природе», в этом случае самым фактом своего существования выступали в качестве противников, более или менее опасных, централизаторской политики, последовательно проводимой московскими великими князьями.

Сравнивая положение и возможности реального влияния на ход развития Русского государства удельных князей в середине XV в., когда к власти пришел Иван III, не говоря уже о более раннем времени, и в середине следующего XVI в., все исследователи без исключения отмечают их все большую «деградацию». Этот процесс объективно был связан, с одной стороны, с возрастанием мощи государственной власти. С другой стороны, сами удельные князья XVI в., несмотря на сохранение большей части традиционных для их статуса прав, сильно отличались по своим устремлениям и политическим претензиям от своих предшественников.

Причина этого достаточно проста. Дело в том, что удельные князья этого времени были ближайшими кровными родственниками, чаще всего — родными братьями, «государей всея Руси», воспитывались при московском дворе, впитывая в себя, таким образом, все существовавшие там политические традиции. Соответственно, чем большее развитие получала система государственности, включая и ее идеологические аспекты, тем больше менялось положение удельных князей. Получая уделы, они стремились воплотить в жизнь примерно те же самые политические идеи, которые в это время ставились в основу государственных реформ уже на более высоком уровне.

Стоит обратить внимание на то, что, к примеру, Судебник 1497 г., первый общерусский законодательный кодекс, был составлен Иваном III «с детми своими и с бояры». Таким образом, сыновья великого князя, в будущем ставшие удельными князьями, участвовали в этом важнейшем правительственном мероприятии конца XV в. Очевидно, их роль не ограничивалась формальным упоминанием. По крайней мере, впоследствии применявшиеся в уделах при судебных разбирательствах нормы практически полностью дублировали положения этого Судебника¹. Юрий Дмитровский принимал участие в торжественном венчании на царство Дмитрия Внука, церемонии, имевшей огромное символическое значение. Наконец, Юрий Дмитровский и Дмитрий Углицкий входили в состав коллегии собора 1503 г., решавшего судьбу церковного землевладения.

При этом излишние амбиции удельных князей подавлялись целенаправленными действиями московского правительства. Процесс образования удельных династий вначале был ограничен, а затем и вовсе сведен на нет. Василий Темный, а затем и Иван III весьма преуспели в деле борьбы со своими ближайшими родственниками. Как правило, удельные князья не успевали передать свои княжества наследникам, будучи изгнанными или «поиманными» своими «старейшими братьями». Показательно, что из всех потомков Василия Темного, разделившего доставшиеся ему земли между своими сыновьями, говорить о какой-то преемственности можно только применительно к волоцко-рузским князьям. Борису Волоцкому удалось сохранить свой удел за сыновьями Иваном и Федором. Впрочем, и в этом случае конечный итог был вполне закономерен: вскоре оба эти князя умерли бездетными, а их земли перешли к Василию III. В результате складывающиеся в том или ином удельном княжестве традиции не находили своего прямого продолжения, а сами удельные земли сравнительно легко входили в состав Русского государства.

Те же закономерности можно отметить и применительно к ближайшему окружению удельных князей. Удельные дворы прошли тот же путь эволюции, что и их князья. Как и все служилые

¹ См., например, жалованную грамоту князя Ю. И. Дмитровского бобровникам Каменского стана Дмитровского уезда: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 27. С. 49.

люди Русского государства, бояре и дети боярские удельных дворов подвергались воздействию идеологии все более крепнущего самодержавия, в результате чего менялись их психология и отношение к своей службе.

В сравнении со временем Феодальной войны, например, когда удельные дворы демонстрировали исключительную верность своим князьям, разительно изменилось поведение вассалов удельных князей XVI в. Картину полного упадка демонстрировала, в частности, неудавшаяся попытка мятежа Андрея Старицкого 1537 г., когда этот князь фактически был брошен на произвол судьбы своим ближайшим окружением. Не вызвало каких-либо возмущений среди служилых людей Дмитровского удела и ничем не обоснованное «поимание» Юрия Дмитровского.

Проводившиеся в уделах мероприятия в русле общегосударственных реформ своего времени объективно способствовали ликвидации собственно «удельных» пережитков среди служилых людей этих княжеств. Наиболее четко эту тенденцию можно проследить на примере удельных княжеств первой трети XVI в., которые представляли собой своеобразный апогей в развитии удельной системы, без откровенного еще вмешательства великокняжеской власти, характерного для более позднего времени.

Среди всех удельных княжеств этого времени наиболее продолжительную историю имел Дмитровский удел (1504–1533 г.)². Дмитровское княжество по своим размерам и степени концентрации здесь служилого землевладения заметно превосходило территории остальных уделов. В начале XVI в. Дмитров, столица этого княжества, переживал экономический подъем, становясь одним из наиболее крупных торговых центров Русского государства. Соответственно, на дмитровской службе находилось и наибольшее для удельных княжеств этого времени количество служилых людей, что дает возможность на примере их судеб проследить закономерности и ход общего процесса трансформации.

История Дмитровского княжества уже обращала на себя внимание исследователей. Достаточно полный биографический очерк о судьбе самого князя Юрия Ивановича Дмитровского был сделан М. Н. Тихомировым. Иммунитетная политика удельных князей, и в частности Юрия Дмитровского, рассматривалась С. М. Каштановым. Наконец, А. А. Зимин посвятил специальное исследование Дмитровскому уделу и дмитровскому двору. Отдельные вопросы, имеющие отношение к истории дмитровских служилых людей, освещались также в работах В. Б. Кобрин³.

Наиболее полно интересующая нас тема отражена в специальном исследовании А. А. Зимина. Можно отметить, однако, что, поставив перед собой цель реконструировать состав дмитровского двора, на самом деле А. А. Зимин ограничился только представителями собственно московской аристократии. Поэтому сделанный вывод о слабости позиций Юрия Дмитровского, обусловленный «тесной генеалогической связью представителей удельной знати с московскими князьями и боярами», не кажется столь уж убедительным⁴.

Сам по себе факт принадлежности наиболее видных из служилых людей удельных князей к кругу родов и фамилий московского боярства на самом деле хотя и имел определенное значение, но не являлся решающим. Изначально дворы удельных князей комплектовались из числа тех же боярских (позднее и княжеских) фамилий, что и великокняжеский двор. Тем не

² Планы создания Дмитровского удела существовали у Ивана III уже в 1499 г., хотя и не были, очевидно, реализованы в это время (Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967. С. 145). В начале 1504 г., при жизни своего отца, Юрий Дмитровский уже раздавал жалованные грамоты в Дмитровском и Кашинском уездах.

³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 155–169; Каштанов С. М. Из истории последних уделов // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 10. С. 257–302; Ето же. Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения в России. М., 1961. С. 25–29; Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Вып. 5. С. 182–195; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 120–121.

⁴ Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. С. 195.

менее генеалогическая близость и прямое родство этих служилых людей, в том числе и из числа виднейших бояр, не сыграли особой роли во время бурных событий Феодальной войны.

С другой стороны, отмечая преобладание на дмитровской службе (как и в остальных уделах) представителей младших ветвей родов московской аристократии, А. А. Зимин в дальнейшем обращает внимание на трудности, с которыми сталкивались потомки удельной знати после ликвидации удела. Эти тезисы находятся в явном противоречии друг с другом. Если бояре и дети боярские на удельной службе действительно отличались не слишком уж знатным происхождением, то в любом случае в реалиях существовавшей в Русском государстве местнической иерархии сложно было бы предположить для них другую участь. Сам же вывод о трудностях последующего обустройства бывших вассалов Юрия Дмитровского на великокняжеской службе нуждается в дополнительной проверке.

Самое главное, в своей работе А. А. Зимин ограничился простой констатацией факта присутствия выявленных им лиц на дмитровской службе, без какого-либо дополнительного анализа. В результате появилась статичная картина, не дающая представления о политике, проводимой самим Юрием Дмитровским в его уделе. Затронув тему сложных и напряженных отношений между Василием III и Юрием Дмитровским, А. А. Зимин никак не отразил ее на примере изменений состава самого дмитровского двора, переходов служилых людей из Москвы в Дмитров и наоборот. Без внимания остались также контакты дмитровских бояр и детей боярских со служилыми людьми из других уделов. К чести исследователя, одного из признанных корифеев советской исторической науки, в своей монографии, обобщившей серию статей по истории формирования московского боярства, А. А. Зимин на примерах конкретных судеб прослеживал подобные факты и, по мере возможности, давал им соответствующую оценку. Однако в этом случае анализ велся уже вне контекста дмитровского двора⁵.

Безусловно, при изучении общих закономерностей в судьбах служилых людей Юрия Дмитровского нельзя ограничиваться только рассмотрением состава собственно дмитровского двора. Необходимо, насколько это возможно, привлекать также данные о городских детях боярских на дмитровской службе, которые в не меньшей степени, чем их более именитые «собратья», были вовлечены в общий процесс реформ, проходивших на территории этого княжества.

При реконструкции персонального состава служилых людей Юрия Дмитровского недостаточно, как это делали многие исследователи, простого упоминания их имен или даже упоминания имен их родственников, причем далеко не всегда близких родственников, в поземельных актах уездов, входивших в Дмитровский удел (Дмитровский, Рузский, Звенигородский и Кашинский уезды). Известно, что далеко не все вотчинники этих уездов служили Юрию Дмитровскому, это не мешало им принимать участие в различных поземельных сделках.

Соответственно, например, проведенный В. Б. Кобриным анализ пофамильного состава тверских помещиков 40-х годов XVI в. в ряде случаев оказывается совершенно несостоятельным. В частности, им отмечена несомненная связь с Дмитровским княжеством А. С. Повадина и братьев Ступишиных (П. и В. С.). Вероятную связь с Дмитровским уделом имел, по мнению В. Б. Кобрин, также И. Болобанов-Кувшинов. Среди названных помещиков П. и В. С. Ступишины в 1522 г. участвовали в качестве поддатней в Коломенском походе, в то время как А. С. Повадин в 1533 г. был приставом у царевича Окдевлета в походе на Северу. Все они, соответственно, находились на великокняжеской службе. И. Болобанов-Кувшинов, в свою очередь, был сыном известного дьяка Василия III Болобана Кувшинова⁶.

⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

⁶ Кобрин В. Б. Становление поместной системы // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 170–171; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 138, 186, 238; Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. 1981. Т. 87. С. 234–244.

Учитывая отсутствие доказательств о служебной принадлежности для остальных названных В. Б. Кобриним лиц, общий вывод этого исследователя о значительных (для 44,2 % помещиков новых раздач связь несомненна и еще для 30,5 % вероятна) раздачах тверских поместий в конце 30-х г. XVI в. бывшим вассалам Юрия Дмитровского нуждается в критическом пересмотре.

Грань иногда проходила внутри одной и той же семьи. Так, например, В. и Ф. В. Ртищевы, несомненно, были связаны с дмитровским двором и получали кормления от князя Юрия. Их брат Федор известен как тверской помещик, причем при проверке владельческих прав во время проведения писцового описания 1539/1540 г. он ссылался на поместную грамоту, выданную ему великим князем Василием Ивановичем (Василием III), т. е. еще до 1533 г.⁷

В значительной степени вопрос о служебной принадлежности того или иного лица, жившего в первой трети XVI в., можно решить, используя данные Тысячной книги и Дворовой тетради.

В Тысячной книге при описании детей боярских 2-й статьи возле рубрики «Кашин» сохранилась характерная помета «князь Юрьевские Ивановича». Аналогичные пометы присутствуют перед рубриками «Дмитров» (во второй ее части) и «Кашин» в 3-й статье Тысячной книги. Служилые люди «князь Юрьевские Ивановича» упоминаются также в разряде похода на Владимир 1550 г. Интересно отметить, что в этом разряде дважды присутствует рубрика «Руза». В первый раз в начале списка под этой рубрикой был записан Рахманин Б. Голохвастов, во втором случае, уже в самом конце, В. и П. А. Белого («князь Юрия Ивановича»). Скорее всего, присутствие подобных архаичных помет было обусловлено влиянием на структуру этого источника боярской книги 1537 г., следы существования которой обнаруживаются в целом ряде дворянских родословных⁸.

Не случайно бывшие вассалы Юрия Дмитровского упоминаются на последних местах в росписях Государева двора: в списке детей боярских, участников русско-литовских переговоров о мире 1542 г., «которые в думе не живут» (перед рубрикой «Старица»), во владимирском разряде 1550 г., в 1-й и 2-й статьях Тысячной книги⁹. Очевидно, сама по себе рубрика «князь Юрьевские Ивановича» была приписана к основному тексту боярской книги 1537 г., когда служилые люди из ликвидированного Дмитровского удела вошли в состав Государева двора.

При таком анализе структуры Тысячной книги, связь с дмитровским двором устанавливается для В. М. Машуткина, занимающего последнее место в 1-й статье под рубрикой «Кашин». Во 2-й статье на том же месте, сразу перед замыкающими общий список татарскими новокрещенами, под той же рубрикой «Кашин» упоминаются еще четверо детей боярских с характерной пометой «князь Юрьевские Ивановича»¹⁰.

Несколько сложнее обстоит дело с 3-й статьей Тысячной книги, которая составлялась уже несколько позднее двух предыдущих и, судя по всему, содержала в себе целый ряд приписок. Очевидно, в существовавший еще с 1537 г. список служилых людей Юрия Дмитровского были сделаны соответствующие времени начала 50-х г. XVI в. приписки. В частности, последние места в рубриках «Дмитров» и «Кашин» отличаются употреблением уменьшительных форм имен (Митка Ильин Шестаков и Левка Григорьев Картмазов), свойственных для недавно

⁷ АСЭИ. Т. 3. № 185. С. 199; Зимин А. А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. Вып. 3. № 1. С. 144; Писцовые книги Московского государства (далее — ПКМГ). СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 259.

⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее — ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 60, 66, 68; Разрядная книга 1475—1605 г. (далее — Разр. кн.) М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 380; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 442—444. Подобные упоминания содержались в родословных росписях Баклановских, Блудовых, Бухвостовых, Михневых, Нарышкиных, Апраксиных.

⁹ Сборник русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 148.

¹⁰ ТКДТ. С. 56, 60. Названные вслед за В. М. Машуткиным А. Ф. Адашев и князь Д. Ф. Палецкий, вероятнее всего, были позднее перенесены в 1-ю статью из более низшей 3-й статьи. Действительно, А. Ф. Адашев по своему происхождению и служебным заслугам в конце 40-х годов никак не соответствовал уровню аристократической 1-й статьи. Можно заметить, что при перечислении детей боярских в 3-й статье у рубрики «Кострома» недостает начала, так что костромские дети боярские оказались записаны под рубрикой «Галич» (ТКДТ. С. 57, 69).

поступивших на службу новиков. Можно отметить также ряд приписок имен младших братьев к имени их старшего брата. Тем не менее даже в этих случаях речь шла, скорее всего, о ближайших родственниках служивших прежде в Дмитровском уделе лиц. Так, например, Митка Шестаков был сыном известного дьяка Юрия Дмитровского И. Л. Шестакова. Л. Г. Картмазов, в свою очередь фигурировавший в Тысячной книге под рубрикой «Кашин», в Дворовой тетради уже был записан среди дмитровских детей боярских¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вторая часть рубрики «Дмитров» и вся рубрика «Кашин» 3-й статьи Тысячной книги достаточно адекватно соответствуют сделанным возле них пометам («Князь Юрьевские Ивановича» и «князь Юрьевские» соответственно).

Впрочем, в отличие от двух других статей Тысячной книги, эти рубрики уже не «выпадают» из общего перечисления и располагаются в соответствии с общими территориально-географическими принципами перечисления отдельных служилых корпораций Русского государства. Вычленение бывших вассалов Юрия Дмитровского из общей массы служилых людей к этому времени утратило всякий смысл. Объединение первоначально происходило автоматически, методом простого приписывания того или иного территориального списка детей боярских «князь Юрьевские Ивановича» к собственно великокняжеским служилым людям. Так, представители дмитровского двора были просто дописаны к существовавшей, очевидно, еще с 1537 г. рубрике «Дмитров» в составе Государева двора.

В рубрике «Руза» 3-й статьи Тысячной книги произошло уже полное объединение двух этих групп, в отличие, например, от более раннего владимирского разряда 1550 г. И в том, и в другом случаях речь шла об одних и тех же именах. Однако в Тысячной книге служившие когда-то в составе дмитровского двора братья В. и П. А. Белого были уже записаны сразу вслед за семьей Голохвастовых, находившихся в свое время на великокняжеской службе. Б. Я. Голохвастов, отец упомянутых в Тысячной книге братьев Борисовых Голохвастовых, неоднократно выполнял различные дипломатические поручения Василия III, а в 1527 г. был даже одним из поручителей по князе М. Л. Глинском¹².

Очевидно, по аналогии с указанными в рубрике «Дмитров» Василию III служили также упомянутые непосредственно перед Борисовыми Голохвастовыми Б. Ф. Небезин и его младшие родственники. Действительно, Ф. Небезин в 1520 г. встречал литовское посольство и, соответственно, находился на великокняжеской службе¹³.

Сделанные наблюдения могут быть применены и к Дворовой тетради, наиболее полному источнику по истории Государева двора середины XVI в.

В Дворовой тетради отсутствуют прямые указания на службу тех или иных лиц Юрию Дмитровскому. Однако при анализе, например, дмитровской рубрики Дворовой тетради можно заметить, что известные на дмитровской службе по другим источникам, и в частности по Тысячной книге, имена располагаются друг за другом. Аналогичным образом дело обстоит и с потомками великокняжеских детей боярских. Вполне вероятно, что эта практика была следствием использования предшествующего Дворовой тетради списка служилых людей, скорее всего, все той же боярской книги 1537 г.

Часто подобное перечисление имен носило механический характер, в результате чего близкие родственники, служившие в свое время разным сюзеренам (Юрию Дмитровскому и Василию III соответственно) записывались на значительном расстоянии друг от друга. Так, например, обстоит дело с Курчевыми, которые в дмитровской рубрике оказались разбиты на две группы. Согласно

¹¹ ТКДТ. С. 67, 69, 134.

¹² ТКДТ. С. 74–75; Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 485, 489, 564, 595, 623, 637, 798–812; Собрание государственных грамот и договоров (далее – СГГД). М., 1813. Ч. 1. № 155. С. 428.

¹³ Сб. РИО. Т. 35. С. 564.

Тысячной книге, С. и А. Ф. Курчевы находились в числе детей боярских великого князя, служивших по Дмитрову. Их имена фигурируют среди «старых» тверских помещиков, владевших своими землями задолго до описания 1539/1540 г. Очевидно, подобным образом обстояло дело и с другими представителями этой фамилии, чьи имена фигурировали рядом с С. и А. Ф. Курчевыми. С другой стороны, есть четкие доказательства службы Юрию Дмитровскому братьев Г. Щура, М. и Аф. В. Курчевых. Г. В. Щур Курчев упоминался в Тысячной книге среди детей боярских «князь Юрьевских Ивановича». Кроме того, возле имен этих братьев в Государевом родословце сделана помета: «служили князю Юрию Ивановичу»¹⁴.

Совмещение этих двух групп накладывалось на традиционные для Дворовой тетради принципы расположения имен, соответствующие древнему делению великокняжеского двора: бояре, князья, дети боярские.

С определенной долей условности дмитровскую рубрику Дворовой тетради можно разделить на четыре части. В первой части были записаны представители наиболее знатных фамилий, которые в силу происхождения и служебных заслуг своих предков могли при случае претендовать на попадание в Боярскую Думу. К сожалению, невозможно определить служебную принадлежность Г. и С. А. Слизневых. Для остальных названных здесь лиц несомненна связь с двором Юрия Дмитровского.

Боярами князя Юрия были М. Е. Гусев, отец С. М. Елизарова, а также В. Ф. Помяс Заболоцкий, дядя записанного вверху дмитровской рубрики Дворовой тетради И. П. Заболоцкого. По родословным данным в Дмитровском уделе служили также князья Д., Ф. и Л. И. Давыдовы-Засекины и И. В. Чексин-Жулебин. Характерно, что претензии некоторых из этих лиц на попадание в Боярскую Думу нашли впоследствии частичное подтверждение. По крайней мере, князь Д. И. Засекин и И. П. Заболоцкий стали в конце 50-х г. XVI в. боярами Семииона Касаевича, получившего от московского правительства Звенигородский уезд. Учитывая это обстоятельство, весьма вероятно, что аналогичным статусом князь Д. И. Засекин обладал и на дмитровской службе¹⁵.

На положении «князей» находились в дмитровской рубрике князь С. И. Гагарин и его сыновья. Служба князя С. И. Гагарина Юрию Дмитровскому подтверждается родословными источниками¹⁶.

Вслед за «боярами» и «князьями» были расписаны фамилии дмитровских детей боярских, служивших при Василии III непосредственно московскому правительству. Этот список начинается именем Ф. В. Вокшерина и заканчивается ориентировочно после имени А. М. Заболоцкого. Дело в том, что вслед за А. М. Заболоцким в дмитровской рубрике идет Г. И. Дмитриев, имя которого в 3-й статье Тысячной книги стояло на одном из первых мест (после князей Засекиных и И. И. Заболоцкого, которые уже были названы в этой рубрике) при перечислении детей боярских «князь Юрьевских Ивановича»¹⁷.

Общей отличительной особенностью здесь выступает отсутствие крупных фамильных блоков. Пожалуй, только для Курчевых и отчасти для Пушкиных можно говорить о какой-то пофамильной разбивке. Остальные фамилии представлены одним-двумя именами. Очевидно, подобная практика объясняется тем, что сама по себе служба Василию III для собственно дмитровских детей боярских во время существования удела Юрия Дмитровского была скорее исключением из общего правила.

Можно попытаться определить и границы четвертой части — перечисления бывших вассалов Юрия Дмитровского. Как уже было замечено, она открывается именем Г. И. Дмитриева, а в конце

¹⁴ ТКДТ. С. 66, 67, 128, 130; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 221; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (далее — Род. кн.). М., 1787. Ч. 1. С. 312.

¹⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 220, 247; Род. кн. Ч. 1. С. 136, Ч. 2. С. 338; ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 230.

¹⁶ Род. кн. Ч. 2. С. 70.

¹⁷ ТКДТ. С. 128–129.

содержит настолько большое число новиков, которые традиционно вписывались на свободное пространство в конце каждой рубрики Дворовой тетради, что обозначить сколько-нибудь точно окончание ее первоначального ядра не представляется возможным.

Если попытаться сравнить между собой две эти части, то выявляется интересная особенность: каждая из них заканчивается именами новиков, причем эти имена расписываются по определенному принципу. Так, например, в конце общей дмитровской рубрики, которая одновременно заканчивает и список детей боярских Юрия Дмитровского, не встречается близких родственников лиц, упомянутых в предыдущей части. То же самое относится и к новикам, замыкающим список детей боярских, служивших в свое время московскому правительству. Вероятно, отмеченная закономерность свидетельствует о параллельном ведении двух разных росписей дмитровских детей боярских вплоть до начала 50-х годов.

Аналогичным образом можно попытаться реконструировать и другие рубрики Дворовой тетради, где перечислялись имена бывших вассалов Юрия Дмитровского.

Применительно к кашинской рубрике подобные сложные манипуляции оказываются бессмысленными. Скорее всего, во время существования Дмитровского удела общее количество кашинских детей боярских на великокняжеской службе было ничтожным, так что не требовалось объединять их в какую-то общую группу. Соответственно, перечисляемые в кашинской рубрике Дворовой тетради имена, скорее всего, принадлежат исключительно тем, кто в свое время находился на службе в Дмитровском уделе, и их потомкам.

Значительно сложнее обстоит дело с рузской рубрикой. Уже было отмечено, что в Тысячной книге две группы рузских детей боярских были объединены в одной рубрике. В Дворовой тетради можно наблюдать естественную эволюцию этого процесса. Очевидно, составители рузской рубрики Дворовой тетради подошли к своей задаче более «творчески», расписывая фамильные группы в соответствии с реальной иерархией, существовавшей внутри этой служилой корпорации. В списке рузских детей боярских первое место принадлежало Невежиным, которые, как это было показано при анализе Тысячной книги, не были связаны со службой Юрию Дмитровскому. Служебная принадлежность предков Я. В. Щепина-Волынского неясна, однако упоминающиеся вслед за ним П. и И. Н. Павлиновы-Плещеевы, равно как и В. А. Белого, явно принадлежали к числу вассалов этого князя. Впрочем, в этом случае нельзя увидеть аналогию с дмитровской рубрикой — после этих имен были записаны представители «великокняжеского» рода Голохвастовых. Подобное «чередование» имен не дает возможности вычленить первоначально существовавший список рузских детей боярских «князь Юрьевские Ивановича»¹⁸.

Аналогичный вывод распространяется и на звенигородскую рубрику Дворовой тетради, которая в связи с передачей Звенигорода Семиону Касаевичу представлена всего двумя именами — И. В. Таболова и И. Д. Волынского¹⁹.

Сопоставление всего комплекса источников, и в первую очередь, Тысячной книги и Дворовой тетради, дает достаточно большое количество имен служилых людей Юрия Дмитровского. Сравнительное изучение их судеб, равно как и изучение судеб их близких родственников, позволяет выявить закономерности процессов, которые шли внутри Дмитровского княжества, определить направления и результаты проводившейся здесь политики.

При этом необходимо, прежде всего, выяснить, насколько новообразованный по завещанию Ивана III Дмитровский удел соотносился с удельными княжествами более раннего времени, т. е. определить степень его преемственности.

¹⁸ ТКДТ. С. 175–176.

¹⁹ Там же. С. 177.

Формирование состава служилых людей Дмитровского княжества

Многие исследователи отмечали, что Юрию Дмитровскому, за исключением новоприсоединенных при Иване III Кашина, Серпейска и Брянска, достались старинные удельные земли, которые на протяжении многих десятилетий принадлежали удельным князьям. В принципе с таким утверждением можно согласиться, сделав одну существенную оговорку: многие из этих земель когда-то принадлежали удельным князьям. Применительно же к реалиям начала XVI в. трудно, например, говорить о каких-то удельных традициях, существовавших на территории Дмитровского уезда. Дмитров действительно был центром удельного княжества Юрия Васильевича, сына Василия Темного. Но, с одной стороны, этот удел просуществовал чуть больше десяти лет, а с другой стороны, со времени его исчезновения (1472 г.) прошло уже более 30 лет, так что должно было полностью смениться поколение служилых людей, когда-то находившихся на службе у этого князя. Кроме того, в сравнении с 60-ми годами XV в. подверглись достаточно серьезному изменению границы самого Дмитровского уезда. Часть прежних дмитровских волостей («Рогож, Воря, Корзенево, Шерна городок, Сулишин и с Новым селом») отошла к Московскому уезду. С другой стороны, Иван III передал своему сыну «исконно» великокняжескую переславскую волость Юлка²⁰.

Несколько меньше времени прошло с «поимания» Андрея Углицкого (1491 г.), которому принадлежал Звенигород — еще один центр, вошедший в состав удела Юрия Дмитровского. Недостаток источников не позволяет подробно реконструировать состав служилых людей этого князя. Среди сколько-нибудь значимых вассалов Андрея Углицкого впоследствии на дмитровской службе не удастся найти ни одного лица. Этот вывод закономерен еще и потому, что исключительная близость Звенигородского уезда к Москве способствовала чрезвычайно высокому уровню концентрации здесь вотчин виднейших родов московского боярства. После ликвидации княжества Андрея Углицкого их число увеличилось за счет новых пожалований. Вотчины в Звенигородском уезде взамен конфискованных остатков родового княжества получил, например, князь Д. Д. Хромой-Ярославский²¹.

Пожалуй, о преемственности в данном случае можно говорить только на уровне рядовых детей боярских. Например, вполне вероятно, что Андрею Углицкому служили мелкие звенигородские вотчинники Хвощинские, некоторые из них позднее известны среди детей боярских Юрия Дмитровского²².

Впрочем, и в этом случае не стоит переоценивать возможные последствия подобного влияния. Следует заметить, что звенигородские дети боярские в конце XV в. были вовлечены в процесс поместной колонизации новоприсоединенных территорий. В Бежецкой пятине известен, в частности, помещик-«звенигородец» Я. Черной-Пушин. Здесь же поместьями владели Н. С. Кулебакин и его сыновья. В свое время братья Н. и Д. С. Кулебакины служили Борису Волоцкому и, очевидно, даже входили в состав его двора. Кулебакиным принадлежали вотчины в Звенигородском уезде, так что после перехода Звенигорода под власть Ивана III они оказались в руках великого князя. Часть из них сохранила за собой свои земли, другие, связанные с удельной службой, оказались в «гостеприимной» Новгородской земле. Наконец, в той же Бежецкой пятине помещиками были представители Тоболиных, еще одного звенигородского рода²³.

²⁰ ДДГ. М.; Л., 1950. С. 360.

²¹ А. А. Зимин считал, что владения в Звенигороде получил уже его отец — князь Д. В. Ярославский, убитый в 1469 г. в Казанском походе (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 84). Однако очевидно, что Иван III не мог распоряжаться землями в уделе своего брата Андрея Углицкого.

²² АСЭИ. Т. 3. № 55. С. 86.

²³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 2001. Т. 3. № 196—198. С. 163—165. В 1473 г. Борис Волоцкий пожаловал Н., Д. и Я. С. Кулебакиным вотчины в Вышегородском уезде, который также в 1491 г. перешел к Ивану III.

Скорее всего, уже в самом начале XVI в. дорогобужскими помещиками стали Челюсткины, бельскими — Бельские-Скуратовы²⁴. Безусловно, число подобных переселенцев было достаточно большим, что не могло не сказываться на персональном составе звенигородской корпорации.

К слову сказать, подобные поместные перемещения затрагивали и другие «старинные» удельные территории, доставшиеся впоследствии Юрию Дмитровскому, в частности и собственно Дмитровский уезд.

Наиболее серьезные результаты для создания преемственности удельных традиций могло бы иметь массовое проникновение на службу к Юрию Дмитровскому служилых людей из Рузского удела. Именно эти служилые люди лучше других были знакомы с удельными порядками. Среди уделов, созданных по завещанию Василия Темного, к началу XVI в. сохранился только Волоцко-Рузский удел, имевший, таким образом, почти полувековую историю.

Иван Рузский, в отличие от Андрея Углицкого, никогда не выступал в оппозиции к великокняжеской власти, поэтому у Ивана III не было даже формальных причин устраивать «перебор» землевладельцев Рузского уезда. К тому же его кончина (1503 г.) пришлось на крайне неудобное для московского правительства время. Был серьезно болен сам Иван III, который уже подготовил завещание на случай своей смерти. Завещание пришлось срочно менять, но московское правительство просто не успевало провести какие-то более или менее серьезные мероприятия на территории Рузского удела²⁵.

Впрочем, учитывая более чем скромные размеры Рузского удела, число служилых людей Ивана Рузского вряд ли было значительным. К тому же многие рузские вотчинники уже в конце XV в. служили непосредственно Ивану III. На службу к Ивану III еще при жизни Бориса Волоцкого перешел Д. И. Нетшин, который, очевидно, владел крупной вотчиной в Рузском уезде. Заметных успехов на службе в составе Государева двора добились также рузские вотчинники Ступишины и Голохвастовы²⁶.

Наиболее именитыми из бывших вассалов Ивана Рузского, перешедших на службу к Юрию Дмитровскому, были князь А. А. Голенин, Н. Ф. Еропкин, а также сын волоцкого дьяка Э. Б. Голова Обобуров. Служил Юрию Дмитровскому и А. К. Ельчанинов, известный прежде по жалованным грамотам Бориса Волоцкого и Ивана Рузского. Кроме того, вполне вероятно, что на службе у Ивана Рузского состоял также В. Жолоб Пушечников, рузское поместье которого упоминалось в 1504 г. Один из его сыновей, Григорий, в Дворовой тетради был записан по Ржеве (еще один центр удела Ивана Рузского) между потомками детей боярских Дмитрия Углицкого²⁷.

Наконец, на службе у Бориса Волоцкого состоял Л. А. Болотников, представитель многочисленного рода звенигородско-рузских мелких вотчинников, некоторые из них позднее, скорее всего, находились среди городских детей боярских Юрия Дмитровского²⁸.

Можно отметить, однако, что для подавляющего большинства из них служба Юрию Дмитровскому оказалась непродолжительной. До 1509 г. постригся в монахи Иосифо-Волоколамского монастыря Н. Ф. Еропкин. Вскоре его примеру последовал также и князь А. А. Голенин. Даже скромные Ельчаниновы не удержались на удельной службе. В 1514 г. М. и В. Ельчаниновым была выдана жалованная грамота Василия III на поместья в Волоцком уезде²⁹.

²⁴ ДДГ. С. 380. Пристав Ивашка Челюсткин в 1506 г. сопровождал в дороге литовское посольство вместе с вяземским помещиком Ваской Узким (Сб. РИО. Т. 35. С. 480).

²⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 62.

²⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 255.

²⁷ Там же. С. 76, 232; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. (далее — АФЗХ). М., 1951. Ч. 1. № 92. С. 90; Акты XIII—XVII в., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества (далее — Акты Юшкова). М., 1898. № 70. С. 59; АСЭИ. Т. 3. № 63—65. С. 95—97; ДДГ. С. 398; ТКДТ. С. 179.

²⁸ АСЭИ. Т. 3. № 407. С. 420. Л. А. Болотников приобрел холопа с докладом наместнику волоцкому князю Ф. Хованскому (Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века // Русский дипломатарий (далее — РД). М., 1998. Вып. 3. С. 180).

²⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 76, 232; Акты Юшкова. № 91. С. 78.

Старые удельные традиции XV в. при дворе Юрия Дмитровского, таким образом, были представлены в минимальном виде. Пример Ельчаниновых свидетельствует об активной позиции московского правительства, стремившегося не допустить расширения влияния Юрия Дмитровского за счет привлечения на свою службу бывших удельных детей боярских. Земельные владения Ельчаниновых располагались в Волоцком уезде, и, видимо, именно это обстоятельство сыграло свою роль. После смерти Федора Волоцкого (1513 г.) его удел достался Василию III, который стремился обезопасить себя от вполне вероятных притязаний брата на эти земли, который уже владел некоторыми волоцкими волостями. Одним из путей для достижения этой цели и была политика переманивания на свою службу местных вотчинников.

Характерно, что, несмотря на соседство Рузского и Волоцкого уездов, среди служилых людей Юрия Дмитровского не удается обнаружить ни одного лица, которое прежде было бы связано по службе с Федором Волоцким. Пожалуй, только Ю. И. Коуров, сын известного по посланию Иосифа Волоцкого Коура, доверенного лица князя Федора Борисовича, в 1517 г. промелькнул в меновой Г. Д. Минчака Давыдова с Иосифо-Волоколамским монастырем среди лиц, которые, несомненно, входили в состав двора дмитровского князя (З. Б. Голова Обобуров, И. Л. Шестаков, Я. В. Унковский, а также Г. Поповка Иванов). Однако этот случай был единичным. Судьба Ю. И. Коурова на дмитровской службе в дальнейшем неизвестна. Его потомков нет и в Дворовой тетради³⁰.

«Удельное» влияние на двор Юрия Дмитровского носило, скорее, вторичный характер. Князь Юрий пережил своих братьев Дмитрия Углицкого и Семена Калужского, так что некоторые служилые люди из их уделов, не находя себе места в составе Государева двора, были вынуждены предлагать свои услуги дмитровскому князю. Среди выходцев из углицкого двора на службе у Юрия Дмитровского оказались воевода Дмитрия Углицкого И. В. Обляз Вельяминов (прежде служил Борису Волоцкому), а также И. Д. Нетшин и, вероятно, И. М. Яганов, родственники которого были записаны в Дворовой тетради по Ржеве. Написанная им челобитная показывает хорошую осведомленность в тайных делах углицкого двора, что подтверждает правдоподобность этого предположения³¹.

Из Калужско-Бежецкого удела на службу в Дмитровский удел перешли, вероятно, С. И. Данилов-Нетшин, князь И. Д. Борятинский и, возможно, ряд менее знатных детей боярских: Г. И. Пыхичев, Н. и Д. А. Синего-Горбатого и представители фамилии Бешенцовых.

В дмитровской рубрике Дворовой тетради С. И. Данилов был записан среди потомков детей боярских Юрия Дмитровского, сразу после своего троюродного брата Г. И. Дмитриева-Нетшина. Его младшие братья служили по Бежецкому Верху. В 50-е годы С. И. Данилову принадлежало поместье в Дмитровском уезде. Что касается князя И. Д. Борятинского, то можно заметить, что подавляющее большинство представителей этого рода в середине XVI в. служили по Калуге, неподалеку от своих родовых владений³². Г. И. Пыхичев принадлежал к числу бежецких вотчинников «средней руки». В 1525/1526 г. он осуществлял ряд земельных разъездов в Кашинском уезде. Его сын числился в середине XVI в. по Кашину. Бежецкими вотчинами владели также Бешенцовы³³. Что касается фамилии Синего-Горбатого, то, в то время как сыновья Б. А. Синего-Горбатого были

³⁰ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 77. С. 74; Послания Иосифа Волоцкого. Л., 1959. С. 215.

³¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 161, 257; ТҚДТ. С. 180; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 136. С. 197. И. М. Яганов по своему землевладению в Бежецком Верху, возможно, совершил даже двойной переход: из распущенного двора Семена Калужского, владевшего Бежецким Верхом, к Дмитрию Углицкому, а затем, после смерти последнего, к Юрию Дмитровскому (Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря. Л., 1983. № 20. С. 27; № 62. С. 67).

³² ТҚДТ. С. 129, 201; Род. кн. Ч. 1. С. 205.

³³ В 1527 г. в суде Бежецкой избы упоминается И. Пыхичев (Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. Бежецк. М., 1899. Вып. 1. С. 48). Позднее Пыхичевы также служили по Бежецкому Верху (Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей. С. 175, 176; ТҚДТ. С. 137 (Быхачев)).

записаны в Дворовой тетради по Калуге, его младший брат Дмитрий и племянник Е. Н. Синего-Горбатого служили по Кашину и Дмитрову соответственно³⁴.

Вероятно, появление бывших вассалов Семена Калужского на дмитровской службе было связано с «перебором» служилых людей, проводившимся московским правительством после неудавшейся попытки бегства этого удельного князя в Великое княжество Литовское.

В судьбах многих из этих служилых людей можно проследить уже отмеченную закономерность — пристальное внимание правительства Василия III к составу дмитровского двора. В частности, например, характерна судьба И. В. Обляза Вельяминова, который после непродолжительной службы Юрию Дмитровскому был перетянут на службу к «государю всея Руси». В 1521 г. он служил Юрию Дмитровскому, а уже в 1526 г. наместничал в принадлежащем Василию III Стародубе³⁵. Функции великокняжеского осведомителя при дмитровском дворе выполнял еще один бывший углицкий вассал — И. Яганов, которому, очевидно, по этой причине и разрешили перейти на службу в Дмитровский удел.

Можно заметить, что и здесь речь шла о единичных случаях переходов, под контролем великокняжеской власти. В этом отношении переходы служилых людей из исчезнувших удельных княжеств к Юрию Дмитровскому ничем не отличались от «обменов», которые периодически происходили между этим князем и его старшим братом, Василием III.

Изначально во время образования Дмитровского удела на службу к Юрию Дмитровскому перешли очень многие представители Государева двора, в том числе и достаточно видные лица, в частности, П. М. Плещеев, о котором в родословных книгах сделана интересная помета: «был боярин на Москве и в Дмитрове»³⁶.

В составе Государева двора при Иване III служили также более десятка лиц, которые впоследствии известны на дмитровской службе³⁷.

Насколько можно судить, подавляющее большинство служилых людей, выбравших в это время службу Юрию Дмитровскому, владело вотчинами на территории его удела. Однако это обстоятельство далеко не всегда было решающим при выборе своего «государя». Владея вотчинами в разных уездах страны, многие из тех, кто перешел на дмитровскую службу, с равным успехом могли бы служить и при Государевом дворе. Например, тот же П. М. Плещеев в своем завещании распоряжался землями в Верейском, Московском, Переславском и Звенигородском уездах, причем последнее его владение (даже с учетом пожалованных Юрием Дмитровским деревень) не было самым крупным³⁸. Конечно, это был очень видный вассал дмитровского князя, переговоры с которым должны были вестись на индивидуальном уровне. Но даже куда менее значительные служилые люди имели возможность реального выбора.

В частности, старинными ростовскими вотчинниками были Мещериновы. Я. В. Мещеринов — единственный из представителей этого рода, который оказался связан по службе с дмитровским двором, хотя владел родовыми землями в Ростовском и Переславском уездах. Характерно, что уже его сыновья вновь служили вместе с ростовскими дворовыми детьми боярскими³⁹.

³⁴ ТКДТ. С. 169, 173, 176. В родословной книге о Н. А. Синего сделана приписка «из Кашина».

³⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 161.

³⁶ Род. кн. Ч. 2. С. 299.

³⁷ Г. Д. Минчак (Давыдов), М. И. Хозюк Повадин, И. Ф. Слободкин, Ф. Чирка и И. Рудной, С. Сурмины, дьяк А. Синец, ближайшие родственники (отцы или братья) В. Ф. Помяса и И. П. Черленого-Заболоцких, В. и М. Е. Гусевых, А. И. Сухого, А. и А. И. Молодого-Товарковых, а также гораздо менее знатного подьячего В. Л. Палицына (И. Л. Палицын в 1494 г. был одним из детей боярских в свите великой княжны Елены). В перечне детей боярских Юрия Дмитровского в Дворовой тетради были записаны также потомки М. И. Машутки Борисова и В. Г. Мунта Татищева. На положении служилого князя при дворе Ивана III находился, очевидно, также князь Д. Д. Хромой Ярославский.

³⁸ Акты Русского государства 1505–1526 гг. (далее — АРГ). М., 1975. № 59. С. 64.

³⁹ Кадик В. А. Ростовский род Мещериновых в XVI–XVII вв. // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 197–198.

Достаточно крупной суздальской вотчиной наряду с землями в Дмитровском уезде владел также М. И. Судимантов⁴⁰.

На службе у Юрия Дмитровского можно обнаружить целую группу выходцев из Юрьевского и Владимирского уездов. Юрьевскими вотчинами владел, в частности, Чудин Акинфов, сыновья которого Петр и Канбар в Тысячной книге числились среди вассалов дмитровского князя. То же самое можно заметить относительно Огаревых. Наиболее ярким представителем этой фамилии на дмитровской службе был дьяк А. В. Огарев. В Дмитровском уделе служили также И. И. Киприанов-Москотиньев и его сын А. Шишка. Родовые земли Москотиньевых располагались во Владимирском и Юрьевском уездах. Наконец, известно, что с Юрьевским уездом были связаны Кучецкие, один из которых — С. Смердюгин-Кучецкий — владел в первой трети XVI в. поместьем в Звенигородском уезде⁴¹.

Относительно юрьевцев на дмитровской службе можно сделать одно предположение. Известно, что именно Юрьевский уезд в конце XV в. стал ареной достаточно массовых поместных раздач для выселенных из Новгородской земли бояр и житых. В середине XVI в. в Дворовой тетради по Юрьеву были записаны их потомки — Самсоновы, Исаковы, Горшковы, Шенкурские. С другой стороны, шел встречный поток переселения юрьевских служилых людей на поместья в Великий Новгород. Как правило, подобные переселения «родом» носили далеко не добровольный характер. Даже в случае сохранения родовых земель необходимость несения службы на территориально отдаленной северо-западной границе Русского государства не давала возможности полноценно распоряжаться ими.

Переход под юрисдикцию удельных князей давал возможность удержаться на родовых землях. Более того, некоторые из новгородских помещиков оставили свои поместья после образования уделов сыновей Ивана III. Так, например, согласно родословной, поместьем в Новгороде владел Г. И. Константинов (Жеребцов) из рода Бяконта. Его сын Василий служил уже Юрию Дмитровскому и в Дворовой тетради был записан по Кашину⁴².

Подобным образом из всего рода Голенищевых в Дмитровском уезде сохранили за собой земли только сыновья М. В. Голенищева, служившего Юрию Дмитровскому, в то время как остальные представители этого рода были переселены в Новгород, а затем и в Торопец⁴³.

В конце XV в. в Новгородской земле поместья получили уже большинство представителей рода Кучецких. В 1503 г. поместьем в Вотской пятине был пожалован С. А. Огарев. Здесь же служили А. и Бросалец П. Онкифовы (Окинфовы). Поэтому опасения оказаться «всеродно» на «гостеприимной» Новгородской земле возникали далеко не на пустом месте⁴⁴.

Впрочем, у великокняжеской власти всегда оставались очень серьезные рычаги давления на таких служилых людей. Известно, например, что тот же Я. В. Мещеринов «некоторыми делы» служил Василию III⁴⁵.

С другой стороны, уже упоминались случаи службы великому князю лиц, в поземельном отношении связанных с различными уездами Дмитровского удела. Особенно большое число подобных случаев относилось к Дмитровскому, Рузскому и Звенигородскому уездам.

⁴⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 17. С. 35–47.

⁴¹ АФЭХ. Ч. 1. № 156. С. 136. Вотчинником Юрьевского уезда в начале XVI в. был также его родственник П. Г. Акинфов (АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 1. С. 9); Антонов А. В. Акты переславских монастырей // РД. М., 1997. Вып. 1. С. 61; ТҚДТ. С. 152; АСЗ. Т. 1. № 10. С. 17; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 427; Материалы для истории Звенигородского края / Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560. М., 1992. Вып. 1. С. 91.

⁴² Род. кн. Ч. 2. С. 284; ТҚДТ. С. 136. В родословной В. Г. Жеребцов и его дети отсутствуют.

⁴³ ТҚДТ. С. 129. С. М. Голенищев служил по Дмитрову, а его брат Иван — по Рузе. Сразу 7 представителей Голенищевых других ветвей этой фамилии в Тысячной книге были записаны по Торопцу.

⁴⁴ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных архивов Московского государства XV–XVII столетий. М., 1905–1909. Т. 1. Отд. 2. С. 6; Отрывки писцовой книги Водской пятини 1504–1505 гг. Киев, 1908. С. 67. По сведениям С. Б. Веселовского, в Новгороде получил поместье также Ушак Москотиньев.

⁴⁵ АИ. Т. 1. № 136. С. 197.

Очевидно, вопрос о служебной принадлежности первоначально, во время создания Дмитровского удела, решался каждым лицом исходя из его собственных пристрастий. Интересно отметить, что дмитровскую службу выбрали даже М. и В. Е. Гусевы, братья злосчастливого Владимира Гусева, казненного в 1497 г. после неудачного заговора в пользу будущего Василия III, который, казалось бы, должен был вознаградить их за кровь брата.

Дальнейший рост дмитровского двора за счет великокняжеских бояр и детей боярских сдерживался с помощью запретов, подкреплявшихся как крестным целованием, так и применением репрессивных санкций к своевольным служилым людям. Несмотря на то что формально между Василием III и Юрием Дмитровским сохраняло силу старое положение удельного времени: «А бояром и детем боярским межи нас волным воля», фактически в арсенале великокняжеского правительства имелось немало способов сделать это правило простой формальностью. Достаточно вспомнить пример князей И. и А. М. Шуйских, которые после попытки отъезда в Дмитров, предпринятой ими незадолго до смерти Василия III, были схвачены и закованы в кандалы. В официальном московском летописании середины века, относившемся к Юрию Дмитровскому с явной благосклонностью в противовес «мятежным» боярам, действия дмитровского князя во время этого отъезда выглядят совершенно неестественными: «князь же Юрьи нимало не пререкова о них, но вскоре их отда великого князя посланником». Очевидно, на самом деле имел место очень серьезный нажим. Не случайно, сразу после смерти Василия III Юрий Дмитровский вновь отправил к князю А. М. Шуйскому своего дьяка И. К. (Третьяка) Тишкова, перезывая его на свою службу. Прямые запреты переходить на службу в Дмитровский удел содержались в дошедших до нашего времени крестоцеловальных грамотах, в частности в грамоте, данной в 1532 г. М. А. Плещеевым⁴⁶.

Всего известно несколько случаев перехода великокняжеских служилых людей на службу в Дмитровский удел. Так, например, В. И. Шадрин перешел на удельную службу после продолжительного плена в Крыму. Сам по себе факт плена освобождал его от прежних служебных обязательств, по аналогии с положением Судебника 1497 г.: «А холопа полонит рать татарская, а выбежит ис полону, и он слободен, а старому государю не холоп». Скорее всего, причиной перехода была также личная обида. В. И. Шадрин в Крыму фактически играл роль московского резидента при ханском дворе и по возвращении на родину не получил за это какого-либо вознаграждения. Кроме того, при дмитровском дворе видные позиции занимали его ближайшие родственники В. К. и Д. Ф. Вельяминовы. Боярином Юрия Дмитровского стал и сам В. И. Шадрин⁴⁷.

Можно заметить, что случаи переходов великокняжеских служилых людей на дмитровскую службу единичны и вызваны личными обстоятельствами. Более серьезный масштаб носили обратные переходы, с дмитровской — на великокняжескую службу.

Уже упоминалось несколько примеров «переманивания» на свою службу служилых людей из удельных княжеств, оказавшихся после их ликвидации на службе у Юрия Дмитровского. Этим, конечно, число подобных примеров далеко не ограничивалось. На службу к Василию III перешел, в частности, один из представителей дмитровского двора, И. С. Рудной-Сурмин, в свое время бывший одним из волостелей Юрия Дмитровского. В 1522 г. он выполнял обязанности пристава до Смоленска. Интересно отметить, что его потомки были записаны в Дворовой тетради по Дмитрову вне общей группы Сурминых, в части, описывающей детей боярских великого князя⁴⁸.

Близок к дмитровскому двору в свое время был также дьяк Василия III Болобан И. Кувшинов, который в начале XVI в. был одним из послухов в данной грамоте князя А. А. Голенина в Иосифо-Волоколамский монастырь. Факт службы Болобана Кувшинова Юрию Дмитровскому кажется вполне вероятным. Его родственники в середине XVI в. продолжали служить по Кашину.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 77–78; СГГД. Ч. 1. № 162. С. 448–450.

⁴⁷ Зимин А. А. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 192.

⁴⁸ РИБ. Пг., 1915. Т. 32. № 80. С. 131; Сб. РИО. Т. 35. С. 664; ТКДТ. С. 129.

Стоит обратить внимание на состав других участников данной князя А. А. Голенина. Сам князь А. А. Голенин был одним из бояр Юрия Дмитровского. Другими послухами здесь были также хорошо известные на службе у этого князя сокольничий Г. Д. Ульянин и его брат Степан, а также Я. В. Унковский, дети которого в Дворовой тетради были записаны среди служилых людей «князь Юрьевских Ивановича». Наконец, в роли писца грамоты выступил Голова В. Обобуров, ставший через несколько лет дьяком в Дмитровском уделе. Таким образом, были задействованы достаточно видные лица, связанные с непосредственным окружением князя Юрия. Трудно сказать, что стало причиной перехода Болобана Кувшинова на службу к Василию III, однако именно на великокняжеской службе ему удалось сделать карьеру, войдя в состав московского дьячества⁴⁹.

Аналогичным образом обстояло дело и с И. Луниным-Мечняниновым. В 1503/1504 г. он вместе со своим отцом и братьями получил от Юрия Дмитровского жалованную грамоту на вотчину в Кашинском уезде, а уже в 1514 г. владел землями (от Василия III) в Рязанском уезде⁵⁰.

Можно предположить, что еще при жизни Юрия Дмитровского Можайское поместье получил Ширий М. Нестеров, известный как один из детей боярских на докладе у дмитровского боярина князя Д. Д. Хромого. По крайней мере, его сыновья в Дворовой тетради уже были записаны только по Можайску⁵¹.

Выше говорилось, что принадлежащие Юрию Дмитровскому уезды в конце XV — начале XVI в. поставляли людей для поместной колонизации новоприобретенных после русско-литовских войн Вяземского, Дорогобужского и Бельского уездов. Очевидно, этот процесс не остановился и после того, как был создан Дмитровский удел. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на жалованную грамоту, выданную в 1530 г. Ф. и И. Савлуковым-Болотниковым на поместье в Вяземском уезде. В. Б. Кобрин справедливо отмечал удельные связи Болотниковых. Действительно, некоторые из Болотниковых служили Юрию Дмитровскому, хотя и не занимали там сколько-нибудь видных позиций. Это земельное пожалование могло быть обусловлено переходом братьев Болотниковых на великокняжескую службу. Следует обратить внимание на общую худородность Болотниковых⁵². Несмотря на многочисленные упоминания различных представителей этого рода в дмитровских, рузских и звенигородских актах, в Дворовой тетради Болотниковы фигурировали только в вяземской рубрике. Вяземским дворовым сыном боярским в середине XVI в. был как раз Лобан Ф. Савлуков-Болотников. Очевидно, переход братьев Болотниковых на великокняжескую службу не только был вознагражден пожалованием вяземских поместий, но и дал им возможность войти в состав Государева двора⁵³. Скорее всего, Болотниковы были не единственным примером этой политики.

Можно отметить широкую социальную среду подобных переходов. На службу к Василию III переходили как виднейшие представители дмитровского двора, подобные И. В. Облязу Вельяминову, так и, в значительно более широком масштабе, скромные дети боярские, подобные М. и В. Ельчаниновым или И. Лунину-Мечнянинову. Все они в результате получали весомые вознаграждения, а некоторые даже делали здесь себе карьеру.

Таким образом, состав служилых людей Юрия Дмитровского не дает оснований для утверждения о том, что этот наиболее крупный удел Русского государства первой трети XVI в. был центром притяжения для бояр и детей боярских из других (существующих или уже исчезнувших) удельных княжеств. Целенаправленная политика великокняжеской власти свела на нет возможное

⁴⁹ АФЗХ. Ч. 2. № 41. С. 42.

⁵⁰ Антонов А. П. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 221; АСЗ. Т. 1. № 170. С. 141.

⁵¹ АРГ. № 161. С. 156; ТКДТ. С. 186.

⁵² Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. С. 241; Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей. С. 180; Акты Юшкова. № 129. С. 112.

⁵³ ТКДТ. С. 190. В Звенигородском уезде в середине XVI в. вотчинами владел сам Лобан Ф. Болотников, а также его родственники А. Коуров и Бурец Болотниковы (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 705–708).

влияние на политику нового дмитровского князя со стороны вассалов из уделов братьев Ивана III. Сразу после создания этого удела и перехода на службу к Юрию Дмитровскому служилых людей их состав оказался фактически законсервированным. Новые переходы были строго ограничены и находились под контролем московского правительства. Более того, сами служилые люди Юрия Дмитровского становились объектом повышенного внимания Василия III, который достаточно активно стремился переманить их на свою службу.

(Продолжение в следующем номере журнала)